

* * *

«Если в этой пустыне нет путника, кроме меня...»

Геннадий Жуков

Говорил одному другой:
всё, что ты сочинял вдогон
тем, кто лучше нас и честней, —
недостойно этих теней.

Отвечал другому один:
я давно по жизни акын.
Выпускать стихотворный пар —
это функция, а не дар.

Так и ехали по степи,
успевая всё примечать.
И гадали, как поступить:
песнь запеть или промолчать.

Если отклика нет — зачем
возражать безмолвью небес?
Эхо от молчанья звончей,
чем от легковесных словес.

Но когда придёт тишина —
распадётся мир по слогам.
Снова станет природа слышна:
насекомые, птичий гам,

посвист суслика, шорох змеи,
блеяние заблудшей овцы...
Все они на земле свои,
только мы одни — пришлецы.

Мы превысили свой лимит
и утратили благодать.
Чтобы стать обратно людьми
и хоть как-нибудь оправдать

то, что мы коптим небосвод, —
нужно эхом вторить тому,
что над мёртвым зеркалом вод
прозвучало, рассеяв тьму.

Позабить про пах и живот —
и тогда душа оживёт.

* * *

Гене Жукову

Стихотворец впадает в угрюмство
и — когда ему Лета по грудь —
он сбегает в условный Урюпинск,
как подлодка ложится на грунт,

и тихонечко пьёт. Перед этим,
по возможности, жизнь разорив.
Пункт конечный, куда мы приедем,
если честно, промыт изнутри

хирургическим синим мерцаньем.
В высшем смысле — порядок вещей
обнажён, как в музычке Моцарта:
смысла нет. И — не будет. Вообще.

Череповец

«Любовь — это поезд Свердловск–
Ленинград и назад...»

А.Б.

Заводы, дым,
портвейна молоко.
Быть молодым
опасно, но легко.

Вот здесь бы мне
от поезда отстать.
Спустиась к Шексне,
ушедших сосчитать.

Да молодой кураж
с годами горек.
Череповец, СашБаш.
Ну, здравствуй, Йорик!

* * *

О, сколько их удрало в эту бездну —
пахать не за рубли.
Но я отсюда точно не исчезну.
Мне жаль родной земли.

Борцам с режимом, умникам, эстетам —
судить нас свысока.
Но я уже не внемлю их советам:
в них — внятный вкус совка.

Изгнанники в простреленной шинели,
творцы бессмертных строк
Россию в сердце увезти сумели.
А вы в себе — совок.

Так полюбили наступать на грабли,
косить под дурачка,
не утрудившись выдавить ни капли
совка.

Похабны перед совестью прогибы.
Неловко от острот.
Послушайте, когда страна погибнет —
язык
умрёт.

Тогда неважно: бунтари, рабы ли,
поэты иль вралы.
Одно в остатке: Родину любили,
но — не спа-сли.